

Глава 3

Когда Вэнь Наньшу собрался выходить, мачеха Пэй Юя, Фан Лин, уже закончила свои утренние приготовления. Судя по её виду, она собиралась провести весь день за игрой в маджонг. Накануне, когда Пэй Юй вернулся домой, ей пришлось сдерживаться — муж терпеть не мог её страсть к азартным играм, — поэтому она дождалась утра, чтобы ускользнуть.

Белоснежная норковая накидка, небрежно наброшенная на плечи, идеально дополняла тёмно-красное ципао, расшитое золотыми нитями. Несмотря на то что женщине уже перевалило за сорок, она выглядела безупречно ухоженной. Лишь чрезмерно густой макияж и круто изломанные брови придавали её лицу выражение нескрываемой желчности. Губы, накрашенные помадой цвета запекшейся крови, кривились в надменной улыбке, пока толпа приглашенных подруг-аристократок рассыпалась в льстивых комплиментах её «царственному величию».

— Куда это ты собрался с самого утра, даже завтрак не приготовив? — Фан Лин окинула Наньшу презрительным взглядом. — Пэй Юй уже проснулся? Он так занят делами компании, работает на износ. Ты что, специально встал пораньше, чтобы помешать ему спать?

— Мама, у меня есть дела, — ответил Вэнь Наньшу, чьи губы казались совсем бескровными.

Обращение «мама», очевидно, польстило самолюбию Фан Лин. В доме семьи Пэй только он называл её так.

Она не была Пэй Юю родной матерью — лишь мачехой. Когда-то она служила секретаршей у отца молодого господина и сумела пробраться к нему в постель. Настоящая мать Пэй Юя скончалась от болезни, когда мальчику было семь лет, и только тогда у Фан Лин появился шанс занять её место. Впрочем, триумф длился недолго: вскоре после свадьбы отец семейства погиб в автокатастрофе.

На неё тут же навесили ярлык «женщины, приносящей смерть мужьям». В высшем обществе к таким суевериям относились крайне серьезно, тем более когда речь шла о вдове главы могущественного клана. Несмотря на неувядающую красоту и превосходную фигуру — на момент смерти мужа ей не было и тридцати, — никто не рискнул взять её в жены снова. Ей оставалось лишь хранить вдовство в стенах этого поместья. К пасынку она относилась ни хорошо, ни плохо: будучи женщиной изворотливой и хитрой, она в совершенстве овладела искусством «сохранения лица», и Пэй Юй все эти годы платил ей вежливой взаимностью.

Из-за своего низкого происхождения Фан Лин в свое время наслушалась от Старого господина Пэй немало непечатных оскорблений. Теперь же, став хозяйкой дома и окончательно порвав с прошлым, она презирала тех, кто вышел из той же грязи. В особенности — Вэнь Наньшу, единственного человека, к которому так благоволил ненавистный ей старик.

— Оставь мне карту, которую тебе дал Пэй Юй, — мачеха властно протянула руку.

Наньшу замер. Пэй Юй отдавал ему эту карту для покрытия повседневных расходов — фактически, это был его единственный источник средств. Сейчас на счету лежали деньги, предназначенные для оплаты его лечения и пребывания в стационаре.

— Чего столбом застыл? — раздраженно бросила женщина. — Дундун простудился, мне нужно навестить его и купить подарков. Что ты за старший брат такой, если не заботишься о семье? Или ты собрался тратить деньги моего сына на каких-то проходимцев на стороне?

Дундун был сыном её родного брата. Все эти годы Фан Лин при любом удобном случае вытягивала из семьи Пэй средства для поддержки своих родственников. Хотя Пэй Юй ежемесячно выделял ей содержание, которого с лихвой хватило бы на безбедную жизнь, её непомерное тщеславие и привычка сорить деньгами не знали границ. Стоило подругам или родне льстиво похвалить какую-нибудь дорогую вещицу, как она тут же покупала её, не глядя на цену. Денег на украшения и карточные долги вечно не хватало, и она привыкла восполнять дефицит за счет беззащитного Наньшу.

Она требовала карту с полной уверенностью в успехе. Это случалось не впервые, и Наньшу всегда уступал, боясь, что та начнет наговаривать на него мужу.

Немного поколебавшись, он всё же достал карту из тонкого кошелька и передал мачехе. Стоявшие рядом дамы, заметив его старое портмоне с облезшими краями, едва не закатили глаза от брезгливости.

Вэнь Наньшу чувствовал на себе эти прожигающие, полные насмешки взгляды. Ему было невыносимо оставаться здесь.

— Мама, тогда я пойду.

Он поспешил прочь, надеясь поскорее покинуть эту удушливую атмосферу, но одна из женщин, желая угодить Фан Лин, не упустила возможности бросить ему в спину:

— Госпожа Пэй, послушайте, при всей вашей бережливости, Наньшу всё же член вашей семьи. Нельзя же доводить экономию до абсурда. Вы только посмотрите, на что похож его кошелек! Если он выйдет с таким в свет, разве это не ударит по престижу Пэй Юя?

Фан Лин спрятала карту в изящную брендовую сумку и холодно усмехнулась. Её пронзительный голос намеренно зазвучал громче:

— Какая разница, какой у него кошелек? Нашему Пэй Юю и так не повезло привести в дом курицу, которая не способна снести яйцо, — одно это уже позор. С какой стати тратить на него дорогие вещи? Пусть лучше знает свое место и не мешает нашему роду продолжаться.

За спиной Наньшу раздался издевательский смех холеных женщин. Он почти бегом бросился к

выходу.

Оказавшись в машине, он наконец смог перевести дух в замкнутом пространстве салона. Однако стоило автомобилю миновать ворота поместья, как ему резко преградили путь.

Перед капотом стоял парень в низко надвинутой бейсболке и глубоком сером капюшоне. Его маленькое лицо было почти полностью скрыто черной маской и огромными темными очками — вид был нарочито загадочный.

— Ты Вэнь Наньшу? — спросил незнакомец, бесцеремонно останавливая машину.

— Да, — устало отозвался тот.

Юноша оперся ладонью о полуопущенное стекло и, сдвинув очки на кончик аккуратного носа, уставился на него враждебным взглядом своих миндалевидных глаз.

— Так это ты супруг Пэй Юя? Да ты ни о чем... Бледный, как привидение. Слушай внимательно: меня зовут Ци Жобай. Пэй Юй со мной уже полгода.

С этими словами парень намеренно пошевелил пальцами, демонстрируя на солнце ослепительный блеск бриллиантового кольца.

— Видишь? Это подарок Пэй Юя. Я знаю, что тебе уже двадцать семь — ты на два года старше него. Твоё время ушло. Пэй Юю нужен кто-то молодой и яркий, кто-то вроде меня. Вчера он вернулся домой? Не обольщайся, рано или поздно он будет принадлежать только мне!

Наньшу поднял голову и посмотрел на него со спокойным безразличием.

— Ты и сам понимаешь, что ты для него — просто забава?

— Ты!! — Ци Жобай задохнулся от возмущения.

Вэнь Наньшу нажал на кнопку, поднимая стекло, но разъяренный любовник успел выплеснуть полный стакан горячего кофе прямо в салон.

— Да кто ты такой?! Ничтожество из трущоб, возмнившее себя супругом Пэй! Клянусь, наступит день, когда Пэй Юй на тебя даже смотреть не захочет! Это место по праву моё! Можешь начинать собирать свои манатки и проваливать!

На улице стоял холод поздней осени, а по лицу и волосам Наньшу стекал обжигающий кофе. Жидкость просачивалась за шиворот, пропитывая рубашку на груди и спине. Нестерпимый жар коснулся послеоперационного шва, который только ночью разошёлся. Боль от ожога на обнаженной, воспаленной плоти была невыносимой.

Вэнь Наньшу нашел неприметный магазинчик на обочине, где купил простую рубашку и куртку. Когда пришло время платить, он вспомнил, что отдал карту мачехе. Денег почти не осталось. К счастью, одежда стоила всего три сотни юаней. После оплаты в кошельке остались лишь жалкие крохи наличности.

Он выехал из дома еще до семи утра, но череда унижительных сцен затянула время почти до одиннадцати. Наньшу чувствовал себя выжатым до предела — и физически, и морально.

В больничном корпусе его тут же встретил лечащий врач, который принялся распекать его на чем свет стоит. Наньшу обвинили в безрассудстве: сбежать из палаты после сложной операции, даже не сняв швы! Доктор признался, что, не обнаружив пациента во время утреннего обхода, уже собирался заявлять в полицию.

Шумным врачом оказался Вэй Сянь — давний друг и сокурсник Наньшу по университетскому драмкружку. Тому пришлось мягко прервать его тираду:

— У меня разошёлся шов. Посмотри, насколько всё серьезно.

— Вэнь Наньшу!! — вскричал Вэй Сянь, едва взглянув на рану, где нити врезались в ярко-красную плоть. — Ты что, боли совсем не чувствуешь? Шов разворочен, а ты только сейчас пришел! Как ты вообще не загнулся? Я же велел тебе соблюдать покой! Чем ты занимался?! Живо в процедурную!!

Наньшу и сам не знал, почему эта боль его еще не убила.

В процедурном кабинете Вэй Сянь, натянув медицинские перчатки, начал заново накладывать стежки на разорванные участки. Всего пара швов — анестезию делать дольше, чем шить. Наньшу приподнял край купленной одежды, чувствуя, как игла раз за разом пронзает его кожу.

— Твою мать! А это еще что такое?! — выругался врач, заметив на пояснице друга сине-багровые отпечатки пальцев. — Швы разошлись, потому что... Черт возьми, Пэй Юй вообще человек?! Ты в таком состоянии, а он всё равно...?!

Вэнь Наньшу промолчал. Он безучастно смотрел в окно, где в холодном осеннем воздухе ряды деревьев теряли свою листву и цвет. Увядающие и серые, они словно съеживались, готовя свои

иссохшие стволы к долгой зиме.

Вэй Сяньнь знал Наньшу с университета. Он помнил, каких колоссальных усилий стоило сироте поступить в Университет А и окончить его с отличием. Он знал, что тот учился только благодаря фонду Пэй, и догадывался, насколько сильно друг любит своего мужа.

«Догадывался» — потому что за эти годы сплетни о любовных похождениях Пэй Юя с моделями и актрисульками успели набить оскомину даже медсестрам в больнице. Но Наньшу терпел. Вэй Сяньнь дружил с ним много лет, но до сих пор не понимал, где проходит та черта, за которой кончается это терпение.

Врач продолжал костерить Пэй Юя: «Подумаешь, богатеи! Скотина он похотливая, и больше никто!».

На самом деле Вэй Сяньнь просто пытался отвлечь друга от боли. Когда процедура закончилась, Наньшу тихо спросил:

— Когда придут результаты гистологии опухоли?

— Послезавтра. Результаты пришлют сразу мне. Не переживай, мой наставник сказал, что по виду она совсем не похожа на злокачественную.

Вэнь Наньшу лишь слабо кивнул. Полгода назад его печень начала ныть, и со временем боль становилась всё острее, лишая его сна.

Лишь месяц назад выяснилось, что это опухоль. Подобные образования в печени часто оказываются раком, и Наньшу был смертельно напуган. В тот день он в смятении оставил отчет о результатах обследования на тумбочке, забыв его спрятать. А на следующее утро услышал, как Пэй Юй заказывает секретарю покупку редкого бриллианта на аукционе.

Наньшу посмотрел на свой пустой безымянный палец. Сегодня, впервые за пять лет, он снял обручальное кольцо. Весь этот месяц он ждал, надеялся, что Пэй Юй скажет ему хотя бы: «Не бойся». Но муж просто уехал за границу. Возвращение Пэй Юя не принесло облегчения, а сегодняшний визит Ци Жобая окончательно его отрезвил. Муж даже ничего не заметил. Вся та забота и сюрприз, о которых Наньшу мечтал долгими ночами, предназначались другому.

Он чувствовал себя жалким посмешищем. Увязнув в трясине страха перед внезапной болезнью, он всё еще надеялся, что Пэй Юй подаст ему руку и выведет к свету.

— Сяньнь, я хочу найти работу. У тебя есть кто на примете? — спросил Наньшу.

— Работу? — Вэй Сяньнь стянул перчатки. — Мои знакомые только по больницам. Ты ведь аудитор, специфика совсем другая, да и сертификата у тебя нет. С чего вдруг такие мысли?

Какую работу ты хочешь?

— Я больше не могу оставаться в доме Пэй, — с горькой усмешкой ответил Вэнь Наньшу. Он понимал, что слишком долго был оторван от реальности. — Поспрашивай, ладно? Подойдет что угодно. И чем быстрее, тем лучше.

Вэй Сыянь решил, что друг просто устал быть домохозяйкой.

— Давно пора было очнуться! Если бы ты тогда не уволился, с твоими талантами давно бы уже сидел в кресле руководителя. Конечно, перерыв в четыре или пять лет — это много, но раз нужно срочно... Положись на меня! Обязательно что-нибудь придумаем.

<http://bllate.org/book/15853/1432145>